

ПОСТФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ
ДИСКУРС

С.Н. Березин

Березин
Сергей Николаевич

Ведущий специалист отдела по аналитической работе и связям со СМИ, Управление по информационно-аналитическому обеспечению деятельности Главы Екатеринбурга

Современный исторический этап называют постмодерном, а концептуальное осмысление - постмодернизмом, т.е. преодолением философии модерна. Понятие постмодернизма очень близко понятию структурализма. Иногда они используются как взаимозаменяемые. Критика постмодерна началась как критика структурализма, критика понятия «структура». Структуралисты пытались объективно исследовать человека как проявление структуры. Это, главным образом, социально-культурное исследование. Основная идея структурализма заключается в том, что человек, знак или какой-либо элемент, являются производными от структуры, системы. Реальность в таком ракурсе предстает как иерархия отношений элементов и структур. Это попытка придать научность исследованиям человеческого бытия. Это уже не рассуждения о духе и его проявлениях, а исследование семиотических структур, детерминирующих человеческое поведение, т.е. исследование объективности, а не субъективности.

Постструктурализм же отмечает одну особенность. Структуралисты объясняли субъекта через структуры, однако, сами структуры организованы вокруг некоего центра, коим и является субъект [Напр., см.: 4; 447-468]. Несмотря на всю экстравагантность своих текстов, постструктуралисты указали на этот порочный круг, присущий структурализму. Они предложили децентрировать структуру, признать центр чем-то постулируемым из вне, навязываемым с помощью силы. Это навязывание с помощью силы ведет к тому, что растет

число симуляций и симулякров, творению псевдореальности. Таким образом, признается, что не существует чего-то объективного и независимого. Все превращается в дискурсы, не связанные с объективной реальностью. Такие выводы постструктурализма можно назвать семиотическим скептицизмом. Скептицизм в отношении знаков ведет к невозможности познания мира.

Плюралистичность взглядов в отношении мира, отрицание способности познания реальности с легкой подачи Лиотара стали называть постмодерном. Стала возможна лишь литература как интерпретация. Различные стратегии интерпретации – это равноправные дискурсы, практики по производству знаков. Однако семиотический скептицизм как и любой скептицизм сам себя разрушает. Утверждения о невозможности знаков построено с помощью знаков.

Семиотический скептицизм не является единственным «духом эпохи». Ф. Джеймисон дал марксистское понимание эпохи постмодерна. По его мнению, превращение теории в критику языка связано с тем, что «мысль материальна, а понятия не в состоянии существовать независимо от их языкового выражения» [5]. Философия проявляется только как критика языка, критика утверждений, которые «ущербны и идеологичны, поскольку являются отражением нашего личного и классового (а также расового и гендерного) положения» [5]. Так в постмодерне и постмодернизме проявляется философское ядро марксизма – материализм. Ф. Джеймисон предлагает также исследовать культурное производство, т.е. подойти к постмодерну с точки зрения исторического материализма. С таких же позиций в советское время к буржуазной неклассической философии подходил М. Мамардашвили [См.: 6]. А. Бадью утверждает, что философия должна «предложить единое понятийное пространство, в котором обретают свое место именованья событий, служащих отправной точкой истинностных процедур... Она не устанавливает никакой истины, а предоставляет истинам место» [2;

17]. Поэтому можно сказать, что отказ от реальности не является единственной тенденцией в философии.

Постфеноменология

Началом философии Нового времени стало Декартово *ego cogito*. В неклассической философии этот тезис превратился в *ego-cogito-cogitatum* Гуссерля. Это субъективный вариант картезианства. Его ограниченность показал еще Д. Юм («Трактат о человеческой природе»). Кроме того, он еще показал, что субъективное картезианство не может быть способом познания реальности, оно может лишь объяснять, почему я что-либо считаю в рамках своей субъективности.

Э. Гуссерль исходил из похожих установок, однако, впоследствии он занялся «опровержением» «трансцендентального солипсизма». Философское исследование Э. Гуссерля начинается с феноменологической редукции, с сведения мира к феноменам сознания, с «заключения мира в скобки». Это аналог *ego cogito*, но только в условиях неклассичности философии. *Ego-cogito-cogitatum* Гуссерля – это основная структура трансцендентального субъекта, это интенциональность, т.е. направленность сознания на свой имманентный объект.

Э. Гуссерль отмечает, что «заключение в скобки объективного мира вовсе не оставляет нас, таким образом, ни с чем. Напротив, то, что мы приобретаем именно таким путем, или, точнее, что таким путем приобретаю я, размышляющий, есть моя чистая жизнь со всеми ее чистыми переживаниями и со всеми ее чистыми полаганиями» [3; 77]. «Мир вообще есть для меня, – продолжает он, – не что иное, как осознанный в таком *cogito* и значимый для меня мир. Весь свой универсальный и специальный смысл и свою бытийную значимость он получает исключительно из таких *cogitationes*. В них протекает вся моя жизнь в мире» [3; 77-78]. Трансцендентальная феноменология и заключается в том, чтобы направлять «свой взгляд исключительно на саму эту жизнь как на осознание этого мира» [3; 78]. «Таким образом, в действительности, – пишет Э. Гуссерль, – естественному бытию мира ... в качестве

самого по себе более первичного бытия предшествует бытие чистого *ego* и его *cogitationes*. Естественная почва бытия по своей бытийной значимости вторична, она всегда предполагает трансцендентальную» [3; 78].

Такой подход Гуссерля и всей философии модерна, когда в начало исследования ставится Я, говорит о реальности как о вторичности в отношении *ego*. *Ego* осмысляет реальность, является источником смыслов. Если оставаться в рамках трансцендентального субъекта и не затрагивать онтологию, а говорить о феноменальной данности, то такой подход может иметь смысл. Однако Э. Гуссерль взялся за решение проблемы трансцендентального солипсизма. А это уже выход на онтологическую проблематику. Так его философия из субъективного («радикального») картезианства превратилась в простое картезианство, т.е. метод метафизики – феноменология стала феноменологическим методом.

Картезианский подход ведет к дуализму, скрытому или явному: Я находит в себе феномены, которые не имеют в Нем своего источника. Антикarteзианское начало в философии должно начинаться с бытия-в-мире. М. Хайдеггер, а затем и М. Мерло-Понти пытались встать на антикартезианские позиции. Но, по сути, они оставались в рамках феноменологии, рассматривая Я как что-то изначально данное и открытое миру.

Если взять взаимодействие в живой природе, то звери взаимодействуют по схеме «стимул-реакция» (конечно, даже в животном мире есть «зазор» между стимулом и реакцией). Человеку же удалось вырваться из этой схемы. Это связано с возможностью «взглянуть» на взаимодействие с окружающей средой, что и осуществляет *ego cogito*. Интенциональность как «стимул-реакция» – это основное свойство бытия-в-мире, поэтому ее можно назвать первой, тогда *ego cogito* будет называться второй интенциональностью. Сознание знаково: доступ к внешнему миру опосредован первой интенциональностью.

Вторая интенциональность появляется у ребенка, если только он растет в человеческом сообществе. Характерный пример того, что вне общения с людьми ребенок не начинает мыс-

лить, это дети-маугли. Чтобы выйти из схемы «стимул-реакция», чтобы была возможность «взглянуть» на свое взаимодействие, нужно «расщепить» первую интенциональность. Это возможно только в сообществе, когда интенции людей встречаются на территории знака. Вероятно, такое «расщепление» начинается с наскальных рисунков. Так один объект внешнего мира начинает представлять другой для людей. Чтобы взаимодействие между людьми было возможно, значения должны быть intersубъективными, а значит не произвольными, а принудительными. Такое принуждение рождается в сообществе, в людском взаимодействии. Дети попадают в мир с уже существующими значениями, которые являются «эталоном» для расщепления первой интенциональности.

Постфеноменологическое познание

Постфеноменология не исследует феномены, которые «сами себя показывают». Она изучает постфеномены, которые возникают на пересечении интенций. С одной стороны, человек вышел из природы, но, с другой, интенции природы в нем преломляются. Природа и человек выступают со-бытийностями. Человек может навязывать свои интенции природе, но и природа не остается пассивной. Люди все еще продолжают болеть, испытывать сексуальное влечение и пр.

Событие – это реализация интенции, это изменение со-бытия. Со-бытие – это существование интенций, со-существование источников интенций. Превращение события (природы, политической системы и др.) в событие, это навязывание интенций. Событие – это пато-логия другого со-бытия. Поэтому чтобы превратить пато-логию в логию, необходимо вторжение, навязывание интенции, т.е. интенциональное действие.

Интенциональное действие – это возможность построения онто-пато-логии. Вторгаясь в со-бытийность, превращая его в событие, человек имеет дело с постфеноменом. Такая ситуация не останавливает исследователей. Например, ученые осознают, что в квантовой механике измерительные приборы влияют на результаты измерения. Гносеология в та-

ком случае превращается в интенциоанализ, путешествие по сетям интенций от одной со-бытийности к другой, от события к со-бытию и наоборот. Интенциоанализ осуществляется только через интенциональное действие, т.е. через вторжение в со-бытийность.

С точки зрения изучения политической сферы общества постфеноменологический дискурс направлен на исследование того, как гражданское общество навязывает свои интенции политической системе, и наоборот. Это постановка в центр исследования проблемы власти. Это не проста схема репрезентации или симуляции. Представительство интересов социальных слоев, например, через политические партии – это навязывание интенций, это власть. Ведь партии в парламенте могут принимать решения, расходящиеся с интересами граждан, их выбравших. А если такие решения приняты, это не просто симуляция политического процесса, это власть, т.к. избирателям будут навязаны решения, которыми они не согласны.

Постфеноменология базируется на исследовании интенциональностей, которые не ограничиваются сознанием одного человека. Точнее, само сознание является производным от интенциональностей, которые встретились на территории знака. Объектом постфеноменологического социального познания становится изучение того, как смысл навязывается отдельным индивидам и целым группам, а также того, как они этот смысл меняют. Такой подход очень близок к феноменологической социологии, которая исследует «как происходит структурирование жизненного мира посредством социальных институтов и результатов человеческих действий, которые оказывают на них обратное влияние. Короче говоря, речь идет об обратном воздействии социальных конструкций на их создателей» [Цит. по: 1; 82]. О сходстве и различии постфеноменологического подхода в социологии и феноменологической социологии необходимо дополнительное исследование. Однако следует отметить, что феноменологическая социология строилась на двух противоречивых элементах, разрывавших трансцендентальную феноменологию Гуссерля. Это субъективность и intersубъективность,

причем, последняя у него существует в рамках субъективности.

Литература:

1. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию, СПб., 2000.

2. Бадью А. Манифест философии. СПб, 2003.
3. Гуссерль Э. Картезианские размышления. М., 2006.
4. Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2007.
5. Джеймисон Ф. Симптомы теории или симптомы для теории? // Без темы. 2007. № 3(5). С. 5-9.
6. Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 2004.

ЦЕЛИ ДИСКУРСОЛОГИИ

А.Е. Спасский

Спасский
Александр Евгеньевич

кандидат политических наук,
Генеральный директор
ООО ДРП «Локомотив»

Дискурсология, как и любая другая наука, определяется, прежде всего, благодаря характеристике своих целей.

1) Концептуальная цель. Дискурсология – это единственная наука, подталкивающая исследователя на формировании своих представлений исходя из дискурса между разными авторами. С абсолютно разными подходами. Практикой. У прочих наук – это не оговаривается. Поэтому возможно и обычно обязательно, формирование взглядов на базе логического решения задач поставленных в принципе только одним человеком. Если взгляды у многих едины с ним – формируется школа. Если взгляды различаются – это враги. Дискурсология – базируясь в формировании взглядов на обсуждении представлений разных людей и школ, наталкивает нас на принципиально иной подход. Различные взгляды воспринимаются как «фотографии» одного и того же исследуемого объекта, снятые с разных мест и разными светофильтрами. «Фотографии» будут естественно отличаться друг от друга. Один снимает в анфас, другой в профиль, а третий вообще сверху. Если мы объединяем все эти «фотографии» в единый снимок, то получаем возможность смотреть с разных сторон на снимаемый объект. То есть, получаем его «голографический фотографичес-

кий» снимок. Получение подобной голографической ментальной карты исследуемого объекта и есть концептуальная цель дискурсологии. В результате, у дискурсологии вообще не может быть врагов. Каждый критик лишь показывает не полноту полученного голографического снимка. И отдельные решения поставленных задач мы сразу включаем в общую карту. Другие, не умея слить это замечание с общей картинкой, пока откладываем в сторону, чтобы вернуться к этому замечанию позднее. Возможно кем-то другим из союза дискурсологов. И только третья часть, являясь абсолютизацией своего подхода, не может быть в принцип соединена с целым. Хотя даже она показывает наши пробелы, а, следовательно, полезна нам. (Обратите внимание, фактически первый широко известный труд по дискурсологии – это Библия, написанная задолго до нашей эры. На ее основе были выполнены 2 и 3-я фаза цели.)

2) Цель подготовки проекта. Опираясь на объединение разных взглядов, надо создавать единую команду из единомышленников. Причем, как показывает практика, для реального объединения людей всегда необходимо общее дело. Нет общего дела, и постепенно распадаются даже самые дружеские отношения. Эффективно делать общее дело возможно только для команды единомышленников. Если нет команды единомышленников, позднее в реализации дела получается как в басне о лебеде, раке и щуке. Причем, это единство не должно охватывать все представления. Главное, чтобы было концептуальное приблизительное единство в тех вопросах, которые связаны именно с исполнением поставленных и решаемых данной командой задач. Более того, различия – это даже хорошо, поскольку постоянно подталкивают к